
В. Г. ДАНЧЕНКО

ФОРМЕННАЯ ОДЕЖДА В РУССКОМ ФЛОТЕ XVIII в. КАК ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Вопрос о предмете геральдики и до сегодняшнего дня является дискуссионным. Традиционную точку зрения о том, что она изучает собственно гербы, давно подвергли сомнению, и не без оснований. Дело в том, что в широком смысле геральдика исследует информативные знаки, которые представляют различные, но определенные социальные микро- и макроструктуры, и они не ограничиваются одними гербами¹.

К этим структурам в свою очередь можно отнести ордена, медали, знамена, униформу. К последней и ранее, и в наше время имелся и имеется устойчивый интерес, однако он касается в основном мундиров сухопутных частей, тогда как гардероб флотских чинов изучался не в должной мере, особенно в XVIII в., когда единообразие и регламентация его были выражены не вполне отчетливо². Более того, значительная часть работ по этим сюжетам носит описательный характер и не касается ряда важных проблем, в том числе геральдического характера.

Форменная одежда армейских и морских чинов являлась обязательным предметом их повседневного обихода, однако она воспринималась не только как средство от зноя или мороза, но как знак или система знаков, определяющих профессиональный и социальный статус их владельцев.

Первоначально призванное помочь различать воюющие между собой стороны, мундирное платье, к которому в XVIII в. относились в первую

¹ *Вилинбахов Г. В.* Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина : (К вопросу о предмете исследования и структуре) // Геральдика : материалы и исследования : сб. науч. трудов. Л., 1983. С. 7–9.

² См., например: *Доценко В. Д., Гетманец Г. М.* Русский морской мундир 1696–1917. СПб., 2008.

очередь кафтаны, камзолы, шляпы, башмаки и чулки, становится геральдической инсигнией, включавшей и определенные отличительные эмблемы в виде отдельных деталей. Это могли быть ленты, розетки, повязки, наконец, цвет и определенный покрой форменной одежды, которая все более стала отражать «порядок и дисциплину», а также указывать место ее владельца в иерархии военных (а позднее и гражданских) чинов. Униформа всегда использовалась в соответствии с определенными правилами, уставами и регламентами, что подчеркивало ее функцию контроля над личностью, приоритет корпоративной, в данном случае военной общности. Таким образом, форменный костюм содержал в себе очевидные атрибуты повиновения и подавления, которые во многом определялись, помимо единообразия, его геральдическим оформлением.

Важным аспектом в природе форменной одежды является ее тесная взаимосвязь с одеждой гражданской. Во все времена покрой униформы если и отличался от городской или национальной одежды, то весьма относительно — здесь безусловно сказывались веяния моды или традиции. В то же время платье офицеров и отчасти рядовых оказывало влияние на формирование гражданского гардероба — во Франции и в Англии это проявлялось наиболее заметно. В отечественной литературе и официальных документах, по крайней мере с петровского времени, одежда военных именуется преимущественно словом «мундир»³.

Известный русский военный и историк Г. С. Габаев, крупнейший знаток военного быта во всем его многообразии, посвятил методологии изучения форменной одежды, ее теоретическим и прикладным аспектам несколько исследований, до сих пор не опубликованных⁴. Основные их положения остаются актуальными и сегодня, несмотря на появившиеся в последние годы многочисленные работы по истории военного (и не только) костюма. Г. С. Габаев предлагает несколько значений слова «мундир». Смысл первого из них определяет часть регламентированной одежды, которая «...одевает торс, шею и руки человека (как куртка), а чаще и ниже — от талии в направлении колен на разную длину (кафтан)»⁵.

Аналогичное значение сохраняет термин «мундир» как учрежденная военными положениями и уставами одежда определенного коллектива, например, армии, пехоты, кавалерии, артиллерии и пр. Наконец, мун-

³ *Ефимов Н. Ю.* Военная униформология как социокультурный феномен: содержание и тенденция развития : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2010.

⁴ ОР РНБ. Ф. 1001 (Г. С. Габаев). Д. 165 (О мундироведении); Д. 164 (Заметки о мундироведении).

⁵ ОР РНБ. Ф. 1001. Д. 165. Л. 11–12.

дир, по мнению историка, может включать всю совокупность предметов форменного платья и амуниции, в том числе перевязи, ремни, оружие, конский убор.

Им вводится и понятие «мундирность», под которым понимается отношение власти, военных и общества в целом к вопросам, связанным с военным мундиром, степень интереса и внимание к нему, в чем, безусловно, проявляется социальный аспект форменной одежды как знака принадлежности к служилому военному сословию с определенной степенью отчуждения от других слоев населения. В целом, характеристики и выводы Г. С. Габаева об утилитарно-прикладном, культурологическом и геральдическом значении мундира определяют основные направления всестороннего изучения и развития им мундироведения или униформологии как вспомогательной исторической дисциплины.

Все вышесказанное вполне применимо и к обмундированию морских и адмиралтейских служителей, хотя здесь имеются и свои особенности. В данном случае речь идет о приоритетах в формировании флотского гардероба, который отличался, в первую очередь, своей функциональностью, хотя, безусловно, он имел и соответствующее геральдическое оформление, которое на протяжении многих десятилетий менялось неоднократно. Справедливости ради надо отметить, что эти изменения носили достаточно спорадический характер и могли выглядеть самым неожиданным образом, что и привлекло наше внимание.

Вестернизация российского быта конца XVII – начала XVIII в. непосредственно касалась и одежды. Но если введенное в это время «французское» платье вмнялось носить многим слоям населения, военным и гражданским, то люди, имевшие отношение к флоту, число которых росло год от года, являлись обладателями нескольких видов одежды, основным из которых был так называемый бострок (голл. *borstrok* — нагельная фуфайка).

Его появление было связано как с нередкими визитами в Архангельск голландских кораблей, чьи моряки удивляли своей одеждой местное население, так и с собственно пребыванием молодого русского царя Петра в Европе с Великим посольством в 1697–1698 гг. Не стесненный рамками официального визита, он мог постигать корабельное дело, что называется, «настоящим образом», общаясь с плотниками и матросами, обращая внимание и на их гардероб. В основном они и были одеты в бостроки, т. е. полублузу или полукуртку, как правило, с большим количеством пуговиц, длиной выше колен, слегка приталенных, с разрезными обшлагами с тремя пуговицами. Видов бостроков было несколько и использовались

все они одновременно. Определенные отличия заключались в некоторых деталях, например, количестве пуговиц, длине и других нюансах, однако общий крой оставался неизменным.

Одним из первых бостроков, появившихся в России, можно считать шкиперский костюм Петра, приобретенный им в 1694 г. перед своим вторым плаванием в Архангельск. Позже, будучи в Голландии в Заандаме, он переоделся в обычную для местных жителей одежду, что было сделано, вероятно, и его спутниками, для которых голландский костюм был специально заказан в Амстердаме⁶.

Некоторые из образцов матросской одежды, привезенных Петром из Голландии или там заказанных, сохранились в коллекции петровского костюма Государственного Эрмитажа⁷. Кроме того, облик голландских моряков представлен и в обширной иконографии, графической и живописной, также находящейся в эрмитажных собраниях⁸. Например, на графических листах мастеров Нидерландов XVII в. видны, где отчетливо, где не очень, бостроки с воротниками и без оных, с длинными полами и укороченными, приталенные и свободного кроя. Бостроки носили военные и гражданские моряки, рыбаки, различные береговые служители, мастеровые, плотники — в общем, те кто имел или непосредственное, или косвенное отношение к морскому делу.

После визита Петра в Европу и на первых этапах становления российского флота бострок начинает входить в обиход морских служителей. В этой связи показательное содержание письма 1700 г. думного дьяка Е. И. Украинцева, назначенного чрезвычайным послом в Стамбул для заключения вечного мира с Турцией, боярину Ф. А. Головину. Речь в нем идет, помимо всего прочего, и об одежде находившихся на борту солдат, которые были одеты в зеленые бостроки, к тому времени основательно износившиеся: вместо них им были выданы кафтаны⁹.

На протяжении почти столетия бострок оставался самым узнаваемым предметом флотского гардероба: он делался из разных материалов, имел

⁶ Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и в 1716/17 гг. Киев, 1904. С. 24.

⁷ Государственный Эрмитаж. Отдел истории русской культуры. Гардероб Петра I. См., например: Инв. № ЭРТ-8546, -8547, -8363, -8367.

⁸ Государственный Эрмитаж. Отдел западноевропейского изобразительного искусства. Выражаю благодарность Р. Г. Григорьеву за возможность ознакомиться с альбомом Seeman с изображениями голландских гаваней, кораблей, отдельных персонажей на берегу. См., например: Инв. № ОГ-134469, -100581, -257687.

⁹ *Елагин С.* История Русского флота : Период Азовский. СПб., 1864. Прил. IV. С. 457.

самые причудливые цвета, частично менялся покрой, однако в целом сохранял очертания петровского времени. Таким образом, весьма незатейливая по своей конструкции одежда надолго стала геральдическим признаком довольно многочисленного сословия морских служащих, включая и солдат морской пехоты, которым бострок выдавался в комплекте мундирного довольствия.

Еще одним атрибутом принадлежности к флоту можно считать широкополые шерстяные (или фетровые) шляпы, которые были в употреблении в течение десятилетий. Они были двух видов — английские и голландские, и разница между ними была в величине тульи и ширине полей, хотя и это выглядело весьма относительно. Таких шляп в XVIII в. не носили ни в пехоте, ни в кавалерии, может быть за редким исключением. На флоте же они прижились и долго оставались, по крайней мере у рядовых матросов, основным видом головных уборов.

Наряду со шляпами в вещевых Табелях фигурируют и суконные шапки разных цветов с околышами. Цвета самой шапки или околыша являлись своеобразными знаками принадлежности к той или иной дивизии галерного флота. Например, в 1-й дивизии использовалась зеленая шапка без околыша, во 2-й — матросы носили шапку василькового цвета с черным околышем. В других соединениях флотские чины имели коричневые шапки с черным околышем и без него, а также красные шапки с черным же околышем¹⁰. Таким образом, своеобразие матросских головных уборов в русском флоте дополняло геральдическое оформление мундирного платья морских служащих.

В определенной степени это касалось и матросских штанов, которые мало напоминали солдатские кюлоты. Об этом можно судить как по сохранившимся предметам петровского гардероба, так и по образцам более позднего времени. Безусловно, с изменением моды менялся и покрой матросских штанов, но все же они оставались достаточно широкими, чтобы не стеснять движения при работе с такелажем.

Форменный костюм солдат морской пехоты по своей структуре мало отличался от солдатского мундира; были некоторые ведомственные «признаки», которые касались цвета, эмблем, ряда других деталей, но в целом это носило частный характер.

Более важным в геральдике морского костюма можно считать появление белого, «флотского», цвета, который связан был с формированием в первую очередь офицерского мундира. В 1745 г. для морского и адмиралтейского генералитета, штаб- и обер-офицеров вводятся штаны и каф-

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 95. Оп. 1. Д. 7. Л. 10, 15, 25, 48.

таны белого цвета¹¹. При изменении обмундирования в начале правления Екатерины II белым оставался только кафтан, тогда как штаны стали зеленого цвета¹². Матросы и нижние чины в это время имели в своем гардеробе белый камзол с зелеными лацканами и обшлагами. В итоге со второй половины XVIII в. традиционно морской белый цвет стал неотъемлемым атрибутом морского платья.

В гардеробе нижних чинов, помимо бостококов, считавшихся повседневным, рабочим платьем, были и кафтаны двубортные и однобортные, а также сюртуки, однако едва ли их можно считать отличительными признаками облика морских служителей, поскольку они имелись и у армейских чинов.

При Павле I, который обращал пристальное внимание на форменную одежду, для флагманов и флотских офицеров вводятся белые камзолы и штаны, а также кафтан зеленого цвета с белым воротником. Помимо всего прочего, в 1796 г. для офицеров учреждаются отличительные знаки по дивизиям и эскадрам, составлявшим Балтийский флот. Эти знаки представляли собой нарукавные нашивки на специальных клапанцах: в 1-й дивизии в 1-й эскадре нашивки были золотые с висячими кисточками, во 2-й нашивки были с золотыми пришивными кисточками, в 3-й нашивки были без кисточек. Во 2-й эскадре аналогично, но с серебряными нашивками и кистями¹³.

В 1798 г. похожая система была введена для чинов морской артиллерии, унтер-офицеров и рядовых галерного и корабельного флотов. Там, правда, фигурируют в 1-й дивизии белые нашивки, во 2-й — синие или голубые, в 3-й — красные, однако принцип цветовых сочетаний нашивок и кистей сохранялся.

Не будучи императором, но ведая флот, Павел Петрович предполагал выделить части морской пехоты с точки зрения их мундирного одеяния. Здесь интерес вызывает не столько сам мундир, сохранивший традиционный темно-зеленый цвет, сколько оформление головных уборов гренадерских частей Балтийского корабельного флота. В 1796 г. оно включало разноцветные околыши гренадерских шапок: в 1-м батальоне — белые, во 2-м — синие, в 3-м — желтые, в 4-м — фиолетовые, в 5-м — оранжевые, в 6-м — зеленые, в 7-м — черные и в 8-м — серые. В учрежденном позже 9-м батальоне — розовые. Те же цвета повторялись в нашивках на клапанцах рукавов.

¹¹ Описание форм обмундирования чинов русского флота с 1706 года. [Б. м., б. г.]. С. 40.

¹² Там же. С. 45.

¹³ Там же. С. 60.

В январе 1797 г. новую форму получили 4 гребных батальона того же Балтийского флота, и различия по батальонам также строились по цвету околышей грендерок: в 1-м — синие, во 2-м — белые, в 3-м — зеленые и в 4-м — фиолетовые.

Куртки летние, типа голландской матроской куртки — «бострога». Кат. 651, 659; Камзол. Кат. 545. Воспр. по: Основателю Петербурга : каталог выставки [в Государственном Эрмитаже]. СПб., 2003

В июне 1797 г. для черноморских батальонов утвердили цвета обшивок грендерских и фузелерных шапок и нарукавных нашивок. В Адмиралтейском батальоне их сделали розовыми, в остальных семи, образованных из флотских батальонов, Грендерского корпуса и бомбардирского батальона, они были следующими: в 1-м — белые, во 2-м — алые, в 3-м — голубые, в 4-м — зеленые, в 5-м — оранжевые, в 6-м — фиолетовые и в 7-м — черные.

Личный состав 3 корабельных батальонов имел на первых порах околыши и нашивки: в 1-м — белые, во 2-м — зеленые, в 3-м — васильковые. Позже появились красный и серый цвета соответственно для 2-го и 3-го батальонов.

В результате проведенного обзора становится очевидным, что в рассматриваемый период форма морских и адмиралтейских служителей русского флота представляла более основательный и более ранний, чем в европейских флотах, единый геральдический комплекс, сочетавший в себе различные отличительные признаки, начиная от цвета и заканчивая определенными знаками и эмблемами. Это было связано как с неоднозначной судьбой самого флота на протяжении столетия, так и с уже упомянутой «мундирностью», которая во многом определялась царствующими персонами и их окружением.

Костюм матросского типа. Кат. 641. Воспр. по: Основателю Петербурга : каталог выставки [в Государственном Эрмитаже]. СПб., 2003

S U M M A R Y

The article shows the peculiarities of naval uniform as system of the special signs during XVIII century. This article deals with so called such applied aspects of the military establishment as uniform's heraldry.

Indeed the research of these item provides some aspects of history of Russian naval administrasion.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Геральдика, мундир, бострок, флот, «мундирность», морские служители.

KEYWORDS

Helardry, garment, uniform, fleet, borstrook.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вилинбахов Г. В. Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина : (К вопросу о предмете исследования и структуре) // Геральдика : материалы и исследования : сб. науч. трудов. Л., 1983.

Габаев Г. С. Заметки о мундироведении // ОР РНБ. Ф. 1001 (Г. С. Габаев). Д. 164.

Габаев Г. С. О мундироведении // ОР РНБ. Ф. 1001 (Г. С. Габаев). Д. 165.

Доценко В. Д., Гетманец Г. М. Русский морской мундир 1696–1917. СПб., 2008.

Елагин С. История Русского флота : Период Азовский. СПб., 1864.

Ефимов Н. Ю. Военная форма как социокультурный феномен: содержание и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2010.

Записки Я. К. Номена о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев., 1904.

Описание форм обмундирования чинов русского флота с 1706 года. [Б. м., б. г.].

REFERENCES

Docenko V. D., Getmanec G. M. Russkij morskij mundir 1696–1917. SPb., 2008.

Efimov N. J. Vojennaja forma kak sociokulturnyj fenomen: sodержanie i tendencii razvitija : avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Moskva, 2010.

Elagin S. Istorija russkogo flota : Period Azovskij. SPb., 1864.

Gabaev G. S. O mundirovedenii // OR RNB. F. 1001 (G. S. Gabaev). D. 165.

Gabaev G. S. Zametki o mundirovedenii // OR RNB. F. 1001 (G. S. Gabaev). D. 164.

Opisanie form obmundirovanija chinov ruskogo flota s 1706 goda. [B. m., b. g.].

Vilinbakhov G. V. Geraldika — vspomogatel'naja istoricheskaja disciplina : (K voprosu o predmete issledovanija i structure) // Geraldika : materialy i issledovanija. Leningrad, 1983.

Zapiski J. K. Nomena o prebyvanii Petra Velikogo v Niderlandach v 1687/98 i 1716/17 gg. Kiev, 1904.